

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 1751

DOI 10.52452/19931778_2021_6_198

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ ОБРАЗОВ ГЕРОЕВ РОМАНА-ЭПОПЕИ А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА «КРАСНОЕ КОЛЕСО» (НА МАТЕРИАЛЕ УЗЛА I «АВГУСТ ЧЕТЫРНАДЦАТОГО» И УЗЛА II «ОКТЯБРЬ ШЕСТНАДЦАТОГО»)

© 2021 г.

А.В. Богданова

Средняя общеобразовательная школа № 2, Долгопрудный

gansgorn85@mail.ru

Поступила в редакцию 28.05.2021

Представлен опыт анализа языковых средств, используемых для создания образов некоторых героев романа-эпопеи «Красное колесо» А.И. Солженицына. В основу характеристики персонажей положена схема, предложенная Ю.Д. Апресяном, которая дополнена подбором средств, раскрывающих процессуальные и непроцессуальные характеристики личности, в соответствии с концепцией С.В. Черновой. Автор не даёт подробного портретного описания, а раскрывает личность посредством внутреннего монолога, мотивов деятельности, речевого поведения, психоэмоционального и интеллектуального состояния героев. Особое внимание уделяется образам исторических деятелей, в частности в статье представлена сравнительная характеристика языковых средств создания образов-антиподов императора Николая II и революционера Владимира Ленина, которых исследователи справедливо относят к смысловым полюсам повествования. Полученные данные позволяют сделать выводы об идиостиле автора и выявить существенные признаки героев.

Ключевые слова: Солженицын, «Красное колесо», персонаж, процессуальные и непроцессуальные характеристики, портрет, языковые средства.

«Красное колесо» – постмодернистский «роман об исторической трагедии» [1, с. 246], по мнению специалистов, самое недооценённое произведение А.И. Солженицына. В центре развёрнутого повествования находятся исторические деятели, вершители судеб, а также те, кого закрутило в водовороте событий. Как отмечает Е. Бальзамо, «роль личности в «Красном колесе» велика ... потому, что человек – краеугольный камень всей историософии автора» [2, с. 28]. В современной лингвистике существует большая база исследований, посвящённых изучению образа человека в художественной литературе. Одна из наиболее известных и методологически обоснованных концепций – схема характеристики физических, интеллектуальных, психологических состояний человека, его речевого поведения, разработанная Ю.Д. Апресяном [3]. Представляется заслуживающей внимания концепция С.В. Черновой, которая предлагает «совместить непроцессуальные характеристики, лежащие в основе языкового портретирования человека, и процессуальные, т.е. те, которые эксплицируют модели поведения человека, реализу-

ющиеся в процессе того или иного вида целенаправленной деятельности» [4]. Методологическая база нашего исследования была сформирована с опорой на работы указанных авторов.

Для выявления особенностей языковых единиц, используемых для создания образов персонажей романа, применялись наблюдение над языковыми фактами, контекстный, интерпретационный анализ языковых единиц. Можно по-разному классифицировать персонажей. В нашей статье рассмотрены героини-участницы военных действий (героини-воины) и два смысловых полюса романа – император Николай II и революционер Владимир Ленин.

Генерал Самсонов

Образ генерала Александра Васильевича Самсонова, командующего 2-й армией и трагически погибшего на территории Восточной Пруссии в 1914 году, представлен в Узле I. А.И. Солженицын подробно описывает черты характера своего героя, делает акцент на значимых деталях внешности и сообщает сведения о прошлом Самсонова, необходимые для понимания его роли в повествовании. Для номина-

пии персонажа автор использует несколько лексических единиц: *генерал от кавалерии, командующий, полководец, генерал*. Данные лексемы неочечны и характеризуют персонаж по роду деятельности.

Среди непроцессуальных характеристик героя можно выделить языковые единицы, показывающие внешний облик. Солженицын не даёт подробного портрета генерала, отмечает лишь некоторые черты, но, используя лексический повтор и окказиональные прилагательные (*крупнолобое лицо, кругло-спокойный лоб*), рисует фигуру невозмутимую: *Вот почему спокойным лбом, спокойными глазами к потолку, Самсонов лежал и не хотел подробностей из штаба фронта, а неторопливо рассказывал своё* [5].

Именно на такой части лица, как лоб, останавливает внимание автор. Лоб генерала упоминается в большинстве контекстов, в которых представлено описание внешности героя: *возвышенно-голый лоб; краска сильней заливала его щёки и лоб; ждал себе сверху большой дубины в свой выкаченный подставленный лоб*. Когда генерал Самсонов, понимая, что армия, которой он командовал, погибла, принимает решение о самоубийстве (именно такой версии финала жизни командующего 2-й армии придерживается Солженицын), вместо лексемы *лоб* употребляется её устаревший вариант *чело*.

В связи с акцентом на этой части лица неслучайна процессуальная характеристика, довольно широко представленная в большинстве контекстов. Её можно обозначить как «активное думание», и она реализуется посредством повтора глаголов *думать, додумывать*, сравнительного оборота *непосильную думу как камень валунный удерживал на подставленном темени*.

Богатырское телосложение персонажа автор показывает через метафоры и сравнения: *Это был – медведь, встающий из берлоги! И Самсонов ... выставил лапу ладони* [5].

Примечательно, что более точный портрет генерала автор показывает перед гибелью героя, сравнивает его с *олеографическим картинным богатырём из сказки*.

Кроме того, к процессуальным характеристикам образа персонажа можно отнести такую особенность коммуникативного поведения, как молитва. Генерал Самсонов прибегает к очистительной силе молитвы в трудные моменты, когда судьба 2-й армии оказывается под угрозой. В.М. Живов в качестве примера наиболее сильных глав, «хрестоматийных по мастерству письма» [1, с. 248], приводит именно главы романа, в которых описывается молитва генерала: *Он молился – о ненепрасности жертв. ... Он*

молился о ниспослании ясности своему замученному уму, чтобы на пике высшего времени мог бы сложить он верное решение – и так воплотить ненепрасность жертв.

Религиозность генерала роднит его с государем Николаем II, который также неустанно молится о своей семье и Отечестве. Их внешнюю схожесть отмечает полковник Воротынцев. Именно Воротынцев, который впоследствии будет защищать доброе имя генерала Самсонова перед лицом великого князя Николая Николаевича, отмечает *приятливого взрачного командующего* при их первой встрече; и только он в последние дни жизни генерала понимает особую роль, отведённую ему судьбой: *Только сейчас Воротынцев разглядел (как он в первый раз не заметил? это не могло быть выражением минуты!), разглядел отродную обречённость во всём лице Самсонова: это был агнец семипудовый!* [5].

В речи автора отмечаются такие черты характера генерала, как решительность, смелость: *В характере Самсонова было – наступать смело и решительно, – однако же не без ума* [5]; указываются *голос приятный и сильный, независимость суждений: И уж в этом уступить было никак нельзя: надо совсем дураком себя счесть, дергунчиком на верёвочке* [5].

С пониманием, что армию спасти уже невозможно, Самсонов перестаёт ощущать себя *действителем, он лишь представитель событий, они же утекают по себе сами*. Синтаксические конструкции, показывающие поведение героя, представлены неопределённо-личными и безличными предложениями: *Его – вели, везли. Всё легче и легче становилось ему* [5].

Описывая прощание с жизнью генерала, автор прибегает к излюбленному приёму – парцелляции: *И кивнул – отпускающе. Понимающе. Благодарно* [5].

Самоубийство генерала Самсонова является не предательством, а жертвой, искуплением вины перед государем и Родиной: *Страшно и больно было, что он, генерал Самсонов, так худо сослужил Государю и России* [5].

Таким образом, автор показывает героя сильного, нравственного, истинного слугу Отечества.

Полковник Воротынцев

Образ одного из главных героев романа полковника русской армии Воротынцева представлен широко. Среди номинативных единиц наиболее часто встречается лексема *полковник*, указывающая на офицерский чин персонажа, используются лексема *офицер*, а также имена собственные *Георгий Михайлович, Жорж* (называет жена), *Егорка* (называет сестра), *Георг* (в речи Ольды Андозерской).

Имена прилагательные, которые сопровождают лексему *полковник*, преобладают в непроцессуальных характеристиках: *яснолобый, расторопный, подвижный, боевой, безумный*. Имеются контексты, в которых даётся портрет Воротынцева, но при этом сведения о внешности героя скудны. Автор отмечает, что полковнику лет под сорок, у него вертикальное чистое лицо, подведенное укороченной тёмно-русой бородкой [5]. О фигуре говорится, что герой приплотнённый, но стянутый весь и лёгкий, очень подвижный, коренастый, легконогий [5]. Особое внимание уделяется глазам: *быстрые светлые крупные, тоже ясные глаза, быстрый, ёмкий взгляд* [5].

Процессуальные характеристики представлены преимущественно глаголами действия: *ехать, прикоснуться, решить, стоять, бить, зачерпывать патроны, заряжать, целиться, переводить, служить, швырять, набрасывать, воевать*.

Полковник Ставки Воротынцев ощущает в себе глубокую тягу: *иметь благое воздействие на историю своего отечества. Тянуть его или толкать его, непричёсанное, куда ему лучше* [5]. Поэтому своё настоящее место он находит в бою, среди солдат.

Используя ряд однородных сказуемых в приведённом фрагменте, автор показывает стремительность и боя, и действий самого полковника. Не менее решительно и смело герой ведёт себя и в разговоре с генералами Ставки перед лицом Верховного Главнокомандующего, указывая на несвоевременные и неверные решения военачальников, приведшие к гибели армии генерала Самсонова: *Он дорвался, он ездил не зря! Он холодел, разумел, и даже в насмешку складывались его губы. Фразу за фразой как петли, как петли он метал на Жилинско-го, и набрасывал, и набрасывал* [5].

Воротынцев посвятил себя войне, искренне переживал за судьбу армии, хотя формально не нес ответственности за происходящее: *Прожи-гала Воротынцева катастрофа армии* [5].

Солженицын изображает Воротынцева решительным, деятельным человеком, смело берущим на себя ответственность не только за себя, но и за других. Среди абстрактных существительных, характеризующих его личность, наиболее частотны *долг, смелость, решительность, порывистость, воля* и производные от них.

Неоднократно автор подчёркивает неотделимость героя от солдат, его ответственность за них, что сближает его с генералом Самсоновым. Приведем два контекста: *Воротынцев умел воевать только не отделяя себя от солдат* [5]; *В чём может состоять главный долг офицера – беречь солдат!* [5].

Характеристика персонажа содержится и в речи других героев. Воротынцеву симпатизирует Самсонов: *Самсонов смотрел на него с самым тёплым одобрением* [5].

Революционер-идеалист Саша Ленартович, к офицерам и патриотам относящийся с долей презрения, отмечает, что *этот яснолобый полковник – какой-то редкий среди офицеров тип: по-настоящему, кажется, интеллигентный, образованный человек* [5].

Член Государственной думы и революционер Александр Иванович Гучков, стремясь привлечь Воротынцева на свою сторону, отмечает сильные стороны его личности, он считает, что полковник *в нужную минуту коротко и сильно увлечёт солдат, сказавши, а то и без речи* [5].

Негативную оценку герою дают жена (она уверена, что Воротынцев *угас, омертвел, опустился, и это в сорок лет!* [5]) и представители штаба Самсонова (*Этот полковник, конечно, считает себя умнее всех и здесь и в Ставке. Он наверняка думает: эх, пустили б его командовать!* [5]).

В жизни Воротынцева есть место и любви. Отношения с Ольдой Андозерской, профессором, специализирующейся на Средневековье, и сторонницей монархического режима, высвечивают его жизнь и неожиданно для него самого утверждают приоритет чувства над долгом. Любовь заполняет всё существо полковника: *Только блаженство и благодарность к этой женщине затопляли его. За своими вздыбленными чувствами, как за горами, никакого другого мира он не видел и не искал* [5].

Как отмечает Н.Д. Арутюнова, «эмоции уподобляются текучему телу, некоторому неспецифицированному по составу жидкому веществу. ... Душа человека в этом отношении подобная самонаполняющемуся сосуду» [6, с. 99].

По тем же проспектам, мимо тех же дворцов, домов, ресторанов и кинематографов, но ещё менее на них сердясь, – не замечая даже погоды, – перенёсся как ковром-самолётом, ехал, не ехал?

У неё. Вместе. Одни [5].

Ритмическая выделенность таких фрагментов, излюбленная солженицынская градация, по мнению И.Ю. Кудиновой, «соотносима со стихотворной энергией из цикла «Крохотки» [7].

Так, контекстный анализ языковых средств показывает, что образ полковника Воротынцева представлен разносторонне и обстоятельно. Положительная оценка образа складывается на основе характеристик автора, героев и анализа поступков персонажа.

Арсений Благодарёв

Образ Арсения Благодарёва представлен широко: он солдат русской армии, призванный

из деревни Каменка, участник Первой мировой войны, достойный сын крепкого хозяйственника-крестьянина Елисея Благодарёва, муж и отец. Для номинации персонажа автор употребляет немного единиц: *Арсений, Благодарёв, солдат, парень*, портретная характеристика дана скудно. Арсений – *рослый солдат, широконосый, большеротый; лет ему было, сказал, двадцать пять, но сохранилось в его лице что-то толстощёкое ребячье и с той доверчивостью, которую только в деревне и встретишь* [5]. Герой силён и физически развит: *Ну да и работать, наверно, лих. Было в нём чуть неуклюжести, – той неуклюжести, когда сила в руках затекает, в ногах перетаптывается* [5].

Более разнообразно представлены лексические единицы, которые характеризуют персонаж по эмоциональному состоянию и указывают на поведенческие особенности. Так, показана манера говорить, держаться в обществе офицера, вести себя на войне: *Простота держаться была у этого солдата дослужебная, дочиновная, досословная, догосударственная, невежественно-природная простота* [5].

Арсений, впервые оказавшись на войне, не только не поддаётся панике (*а страху всё равно в Благодарёве уже не было: душевное потрясение не отпечатлелось на его лице, не пучились глаза, не помутился ум, не выскочило сердце* [5]), но и демонстрирует свои незаурядные способности: через разрывы слышит выстрелы, первым видит немецкого генерала, даже отпевает убитого, как священник. Процессуальные характеристики образа представлены преимущественно глаголами активного действия: *кивнуть, ответить, соображать, объявить, смеяться, доглядеть, хохотать, зайти, подхватить, воспеть*.

Автор неоднократно подчёркивает, что Благодарёв обладает чувством собственного достоинства: *Ещё раз удивился Воротынцев самодостоинству этого солдата: как он умел, не выходя из подчинения, быть и сам по себе особо* [5].

Положительная оценка образа представлена и в речи автора, и в речи других героев, например, полковника Воротынцева, который знакомится с Арсением в окопе во время боя: *Доброе у тебя ухо, – похвалил Воротынцев. – Жалко ты не в артиллерии, ты бы цели брал на слух* [5].

Через восприятие Воротынцева отмечается также фамилия героя: *Ловкая подхватистая фамилия, и так же подхватисто он выговорил её, тёплым помелом прошёл по сердцу. Благодарёв! – такой, видно, лёгкий на благодарность, вот уже готовый и Воротынцева чуть ли не благодарить* [5].

Употребляя по отношению к Арсению характеризующие лексемы сниженной окрашен-

ности и сопровождая их маркированными адъективами с положительной семантикой, автор показывает и своё расположение к персонажу: *Узнал Воротынцев своё место – жёлтый львиный хвост сперва увидел из груды земли, а правей – вот и Благодарёв, славная сообразительная рожка* [5].

Николай II и Владимир Ленин

Кублановский отмечает «два образа, выписанных столь выпукло и объёмно, что составляют как бы «роман в романе» и способны формировать отдельные книги – образы императора Николая II и Владимира Ленина» [8, с. 285]. По сути, на противопоставлении этих ключевых фигур строится значительная часть повествования. Деятельный, неутомимый Ленин и медлительный, нерешительный Николай – вот смысловые центры эпопеи. Образ Николая II – последнего русского царя, на долю которого выпало испытание революционной смутой и военным лихолетьем – показан в романе не столько в речи самого автора, сколько через восприятие других персонажей. Это вполне объяснимо спецификой исторического периода, изображённого в тексте: во время революции многие исторические деятели и свидетели эпохи оценивали личность государя и перспективы его управления страной, причём зачастую эта оценка была негативна. Кроме того, значительная часть характеристики показана посредством внутреннего монолога. Для номинации использованы такие единицы: *монарх, государь, самодержец, царь*, имена собственные *Николай II* (безоценочно), *Ники* (в речи государыни Александры Фёдоровны домашнее имя царя подчёркивает теплоту отношений в семье). Кроме того, в тексте можно встретить перифразу *любительширочайших военных парадов*. В речи других персонажей видим номинации развёрнутые с отрицательной коннотацией: *наш царственный идиот* (в речи Саша Ленартовича), *маленький* (в речи Столыпина): *Маленького императора, не сильного, как прежние* [5].

В речи героев характеристика Николая представлена адъективами: *слабый, такой, безвольный, нерешительный, добрый, не достигающий пределов мысли, безязыкий, бездейственный, оглядчивый только на мир и лад*.

Среди непроцессуальных характеристик следует отметить слабость и нерешительность царя в принятии важных государственных решений, уступчивость. Слабость находится в противопоставлении к твёрдости – качеству, которого не хватает государю: *Слабый, и сам несчастный своей слабостью, уклончивый, отвращённый – так и не пришёл* [5].

Портретная характеристика дана скудно, царь представлен глазами Воротынцева, кото-

рый вспоминает, как видел однажды *полковника небольшого роста, без боевой резкости, да видимо ещё и стесняется, с утомлённым (предыдущими смотрами?), безразличным, невыразительным, даже малодовольным лицом* [5].

При этом положительные характеристики также присутствуют: в речи Столыпина отмечается, что государь – *добрый честный человек, хотя и с государственно важными недостатками* [5]. Николай II – прекрасный семьянин, нежно любящий жену и детей. При описании невесты, а потом супруги во внутреннем монологе Николая используются аффективы *обожаемая, дорогая, чудесная, милая, несравненная; Невообразимо был счастлив с Аликс, просто не было сил расстаться друг с другом, всё бы время проводил исключительно с ней, – но отнимала занятия* [5].

Образ вождя мировой революции выписан иначе. «Ленин – идеологический фанатик, марионетка догмы», – писал о революционере Юрий Кублановский [8, с. 286]. Это один из немногих героев, для номинации которых автор не использует большого количества единиц, кроме имён собственных (*Ильич, Ленин*), а также высоких маркированных нарицательных *учитель, вождь*. Зато светлую голову Ильича отмечают его сподвижники: в частности, в речи А. Парвуса видим такие оценки личности Ленина, как *неистовый русский революционер, запальчивый догадливый умница* [5]. Портрет написан схематично: *почти совсем лысый, с заостренным лицом, с не отпущившей его беспокойной оглядкой, головастый, лбастый, маленький, юркий, усмешка почти не стирается с губ* [5]; автор прибегает к метафорам: *лоб котловый, оскудевшая рыжина на куполе* [5], также из особенностей внешности можно выделить всем известную *неаккуратную отросшую бородку и поношенный костюм*.

Отношение к Родине у героев разное. Император уверен, что любит свой народ, свою страну, он убеждён, что *всегда держит перед собой одну цель блага родины* [5], ощущает ответственность перед ней, но абсолютно не готов управлять ею. Автор показывает Николая II как человека, который волею судьбы оказался не на своём месте и не в своё время: *Как невыносимо быть императором, да ещё всероссийским, как хорошо и естественно – простым семейным человеком* [5].

Ленин же открыто провозглашает: *Мы – антипатриоты!* [5]. Важные непроцессуальные характеристики Ленина видим из его размышлений о судьбе России, революции и общества в целом. Ильич не только не патриот, он отчаянно ненавидит свою Родину: *И что ж можно выместить из российского кислого теста!* [5]. Лексему

Россия в своей внутренней речи сопровождает такими признаками: *рогожная, разляпистая, растяпистая, вечно пьяная. С дрянной российской колымагой он связан только кровно, но характером, делом, чувством он ей активно противостоит. Первую мировую войну герой называет счастливой, уверен, что такую войну ни в коем случае нельзя спотозейничать, пропустить*.

Слабость государя правильно понимают и оценивают его политические оппоненты. Александр Иванович Гучков, вербуя Воротынцева в ряды заговорщиков, отмечает зависимость царя от мнения жены: *Да смотрите по всему его царствованию!... Да – как он бабы боится! Если от неё в отлучке – подпишет, что б ему ни дали* [5]. Нелестную оценку деятельности Николая даёт Владимир Ильич Ленин: *Конечно, от Николая II и его правительства следует ждать всего самого глупого* [5].

Среди непроцессуальных характеристик образа Николая II можно выделить глаголы, характеризующие особенности речевого поведения: *принимал решения, соглашался, просил, разрыдался, гадко себя почувствовал, горячо молился, плакал, терялся, что предпринять, сказал мягко, сострадая, не мог решиться*. В контекстах, выражающих мысли и слова государя, много эмоционально окрашенной лексики, причём такое лексическое наполнение отражает внутренний мир человека, тонко чувствующего, переживающего: *душка Аликс, маленькое сокровище (о ребёнке), с ужасом думал, горел в сердце, со сжатым сердцем, сердечный указ, ужасно скучали, милая яхта, не могла выдержать душа, ужасные дни*.

Основные сведения о личности Ленина получаем из внутреннего монолога. Важная процессуальная характеристика – речь персонажа. В отличие от Николая II, который испытывает неловкость от необходимости общаться со своим народом, Ленин – прирождённый оратор, говорит много, возбуждённо, обилие восклицательных предложений, наличие пейоративной лексики свидетельствуют о холерической, порывистой натуре. Например, *женевских рабочих, которые вяло поддаются его агитации, он называет не иначе как лбы корявые, распяты, неспособные, швейцарцы косолапые, туповатые* [5]. Среди лексем, характеризующих речь героя, можно выделить *голос ближе к сабле калмыцкой* [5]; по мере говорения речь становится *нервной, гортанной, нетерпеливей*; доказывая важное, Ильич поражает публику *выплеском взгляда, разящего из монгольских глаз* [5]. Процессуальные характеристики образа Ленина во многом показывают манеру речи героя и его стремление к активным действиям, направлен-

ным на других людей: *показал, воспитал, заметил, направил, созывал, вскочил, крикнул, проверил, убеждал, требовал, импровизировал*. Нельзя не отметить в речи персонажа обилие слов с первой частью *архи-* в значении 'высшая степень качества': *архиважный, архидружба, архипошлость*. Именно с образом Ленина связан образ красного колеса – метафоры, легшей в название романа. Ильич, уезжая с женой и тещей в Швейцарию, стоя на платформе, обращает внимание на *большое красное колесо у паровоза, почти в рост* [5] человека. Герой понимает, что и революционное движение, подобно этому колесу, способно закрутить с такой силой, что, зазевавшись, можно оказаться *головой у рельсов*.

Николай II у Солженицына искренне верит в *свой прекрасный народ и прекрасных государственных деятелей* [5]. Лексический повтор позволяет понять, насколько далёк император от истинного понимания того, что происходит в его стране. Ленин Россию ненавидит, ставит перед собой цель *повлиять на ход истории* [5]. По мысли автора, Ленин – это *вихрь*, олицетворение *властной силы, проявляемой через него* [5], в то время как Николай II не может понять *законы совершающихся событий* [5].

Солженицын, используя богатый арсенал языковых ресурсов (лексических, стилистических, синтаксических), создаёт образы героев, наделённых характеристиками, которые позволяют представить героев как реальных людей, живших в переломную для государства эпоху. Среди этих характеристик преобладают процессуальные, а именно особенности речевого поведения, готовность к выполнению действий; из непроцессуальных можно отметить характеристики внутренних качеств, душевных свойств личности. Стилистические ресурсы позволяют показать особенности мировосприятия героя. Так, говоря об Арсении Благодарёве, деревенском жителе, автор использует сниженную лексику, строит фразу в соответствии с синтаксисом разговорной речи. Речь Ленина выдержана в общественно-политической стилистике, в ней преобладают лексические единицы из политического дискурса. Исторические персонажи прописаны с предельной точностью, посредством внутреннего монолога и анализа мотивов и поступков раскрываются особенности личности каждого важного действующего лица произведения. Авторские симпатии на стороне героев-патриотов, показывая сильные стороны личности Ленина (развитые ораторские способности, умение убеждать и вести за собой,

неутомимость, неиссякаемое трудолюбие), он в то же время убеждает читателя в гибельности выбора революционного пути для России. В авторской интерпретации схожими оказываются нерешительный, слабый для управления страной в период мирового и государственного кризиса Николай II и генерал Самсонов, не способный спасти свою армию от разгрома. Подчёркнута внешняя схожесть героев, их религиозность и с течением времени переход на позицию не действующего, а наблюдателя исторических событий. Объединяющим смыслом для всех перечисленных героев является долг. Патриоты считают своим долгом служение Родине, а характеризуя Ленина, автор указывает, что люди, вовлечённые в его действия, не должны забывать *срочность своего долга*, иначе они будут стёрты с дороги, потому что Ленин и есть та сила, которая, подобно паровозу, мчит вперёд весь ход истории.

Список литературы

1. Живов В.М. Как вращается «Красное колесо» // Новый мир. 1992. № 3. С. 246–249.
2. Бальзамо Е. «...Выполнять свой долг. На своём месте»: личность и исторический процесс в «Красном колесе» // Жизнь и творчество Александра Солженицына: на пути к «Красному Колесу»: Сб. статей / Сост. Л.И. Сараскина. М.: Русский путь, 2013. С. 28–39.
3. Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://vja.ruslang.ru/ru/archive/1995-1/37-67> (дата обращения: 04.05.2021).
4. Калинина Л.В., Наумова Н.Г. Лингвистическая интерпретация образа человека в свете идей С.В. Черновой: результаты и перспективы [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://vestnik43.ru/docs/kalininalv-naumovang> (дата обращения: 04.05.2021).
5. Солженицын А.И. Красное колесо [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.solzhenitsyn.ru/proizvedeniya/solzhenitsyn-a-i-sobranie-sochi-neniy-v-30-tomakh-moskva-vremya-2007-2018/%D0%A2.07.Krasnoe_Koleso.Uzel_1.Avgust_14.Kn.1.2007.pdf (дата обращения: 04.05.2021).
6. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы. М.: Наука, 1976. 383 с.
7. Кудинова И.Ю. Язык жизни в повести А.И. Солженицына «Раковый корпус» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazyk-zhizni-v-povesti-a-i-solzhenitsyna-rakovyy-korpus/viewer> (дата обращения: 04.05.2021).
8. Кублановский Ю.М. Стиль и историософия «Красного колеса» А.И. Солженицына // Стрелец. 1989. № 1 (61). С. 283–293.

**LANGUAGE TOOLS FOR CREATING IMAGES OF HEROES OF AN EPIC NOVEL
A.I. SOLZHENITSYN'S «RED WHEEL»
(based on the material of Node I «August Fourteenth» and Node II «October Sixteenth»)**

A.V. Bogdanova

The article presents the experience of analyzing linguistic means used to create images of some heroes of the epic novel by A.I. Solzhenitsyn's «Red Wheel». The characterization is based on the scheme proposed by Yu.D. Apresyan, and supplemented by the selection of means that reveal the procedural and non-procedural characteristics of the person, developed by S.V. Chernova. The author does not give a detailed portrait description, but reveals the personality through an internal monologue, motives of activity, speech behavior, psycho-emotional and intellectual state of the characters. Particular attention is paid to the images of historical figures, in particular, the article presents a comparative characteristic of the linguistic means of creating images-antipodes of Emperor Nicholas II and the revolutionary Vladimir Lenin, which researchers rightly attribute to the semantic poles of the narrative. The data obtained make it possible to draw conclusions about the author's idiosyncrasy and reveal the essential features of the heroes.

Keywords: Solzhenitsyn, «Red Wheel», character, procedural and non-procedural characteristics, portrait, linguistic means.

References

1. Zhivov V.M. How the «Red Wheel» rotates // Novy Mir. 1992. № 3. P. 246–249.
2. Balsamo E. «... Do your duty. In its place»: personality and historical process in the «Red wheel» // Life and work of Alexander Solzhenitsyn: on the way to the «Red wheel»: collection of articles / Comp. L.I. Saraskina. M.: Russian way, 2013. P. 28–39.
3. Apresyan Yu.D. The image of a person according to language data: an attempt at a systematic description [Electronic resource]. URL: <https://vja.ruslang.ru/ru/archive/1995-1/37-67> (Date of access: 04.05.2021).
4. Kalinina L.V., Naumova N.G. Linguistic interpretation of the image of a person in the light of S.V. Chernovaya: results and prospects [Electronic resource]. URL: <http://vestnik43.ru/docs/kalininalv-naumovang> (Date of access: 04.05.2021).
5. Solzhenitsyn A.I. «Red Wheel» [Electronic resource]. URL: http://www.solzhenitsyn.ru/proizvedeniya/solzhenitsyn-a-i-sobranie-sochineniy-v-30-tomakh-moskva-vremya-2007-2018/%D0%A2.07.Krasnoe_Koleso.Uzel_I.Avgust_14.Kn.1.2007.pdf (Date of access: 18.04.2021).
6. Arutyunova N.D. The proposal and its meaning. Logical-semantic problems. M., 1976. P. 99.
7. Kudinova I.Yu. The language of life in the story of A.I. Solzhenitsyn «Cancer Ward» [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazyk-zhizni-v-po-vesti-a-i-solzhenitsyna-rakovyy-korpus/viewer> (Date of access: 04.05.2021).
8. Kublanovsky Yu.M. The style and historiography of the «Red Wheel» by A.I. Solzhenitsyn // Strelets. 1989. № 1 (61). P. 283–293.